

ДЕЙКТИКО-ДЕНОТАТИВНАЯ ИЕРАРХИЯ И КОНСТРУКЦИИ С ТРЕХВАЛЕНТНЫМИ ГЛАГОЛАМИ В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: латинский синтаксис, аргументы трехвалентных глаголов, иерархия одушевленности, дейктико-денотативная иерархия, порядок слов.

Статья посвящена влиянию дейктико-денотативной иерархии (или иерархии одушевленности) на порядок актантов трехвалентных глаголов. Опираясь на анализ более 500 случаев употребления глагола *misit* и других трехвалентных глаголов с актантами, выраженными существительными и личными местоимениями, автор выявляет зависимость порядка актантов «пациенс — реципиент» или «реципиент — пациенс» от места денотата соответствующего актанта в указанной иерархии.

E. V. ZHELTOVA

St. Petersburg State University

ANIMACY HIERARCHY AND THREE VALENCY VERB CONSTRUCTIONS IN LATIN

Keywords: Latin syntax, three valency verbs arguments, animacy hierarchy, personal hierarchy, word order.

The article deals with the influence of animacy hierarchy on the position of 3 valency verb arguments. The analysis of more than 500 occasions of ditransitive verb “*misit*” and other verbs with two objects demonstrates strong dependence of order DI or ID (where D — Direct Object, I — Indirect Object) from the level of denotatum in animacy hierarchy scale. Thus standard DI order in constructions with nominal arguments alternates with diverse ID order in case of pronominal arguments.

Статья посвящена влиянию так называемой дейктико-денотативной иерархии элементов языка на порядок актантов трехвалентных глаголов.

В последние десятилетия внимание лингвистов все чаще привлекают разные аспекты порядка слов в латинском предложении. Если самые ранние исследования в этой области имели описательный характер¹ и по большей части объясняли отклонения от так называемого «грамматического» [Соболевский, 1998, с. 381] порядка влиянием риторических или метрических факторов, то более поздние все чаще обращаются с этой целью к современным лингвистическим теориям. В ставших уже классическими латинских грамматиках, руководствах по синтаксису и отдельных монографиях [Kühner, Stegmann, 1955; Hofmann, Szantyr, 1965; Pinkster, 1988; Panhuis, 1982] связанные с порядком слов явления объясняются не только собственно синтаксическими, но и прагматическими факторами, а в еще более поздних работах к анализу подключаются самые разные направления современной лингвистики². Эта тенденция представляется нам весьма правильной и перспективной, поскольку она основана на понимании того, что синтаксис любого естественного языка представляет собой некую систему, в которой элементы взаимодействуют не в одном, а в нескольких измерениях, и поверхностные синтаксические структуры могут проявлять зависимость не только от одного измерения, а именно — от семантических ролей (пациенс, реципиент, адресат, бенефактив, инструмент и т. д.), но и от двух других: прагматические характеристики (топик, фокус, контрастивность и др.) и дейктические характеристики (локутор / нелокутор, или участник / не-участник речевого акта). К этой проблеме мы обращались ранее в статье «Классические языки и типология ролевого маркирования» [Желтов, Желтова, 2008, с. 122–144], анализируя влияние прагматических факторов на маркирование падежа предикатива в латинском и древнегреческом языках, а также зависимость некоторых падежных функций и глагольного согласования в латыни от дейктико-денотативного

¹ См. фундаментальные работы Ж. Марузо: [Marouzeau, 1949; Marouzeau, 1953].

² См. материалы Международных коллоквиумов по латинской лингвистике: [Latin Linguistics and Linguistic Theory, 1983; Subordination and Other Topics in Latin, 1989; Linguistic Studies on Latin, 1994; Universal Grammar..., 2005] и др.

измерения³. В последнем случае анализ опирался на выдвинутую Майклом Сильверстейном [Silverstein, 1976, pp. 112–171] идею, что актанты того или иного предложения могут быть представлены в виде иерархии одушевленности (*animacy hierarchy*)⁴ и что место в данной иерархии может активно влиять на маркировку ролей. На материале ряда австралийских языков эргативного строя М. Сильверстейн выявил следующую закономерность: чем выше элемент в иерархии, тем он более прототипически агентивен и, следовательно, не нуждается в дополнительной маркировке агенса и не требует специального эргативного падежа, роль же пациенса для таких именных групп нетипична, а значит, требует маркировки аккузативом; для нижних этажей иерархии, наоборот, роль пациенса является прототипической и не требует аккузативной маркировки, а роль агенса нетипична и, по этой причине, маркируется показателем эргатива. В результате одни и те же семантические роли у элементов разных этажей иерархии одушевленности могут выражаться разными падежами.

Идеи М. Сильверстейна получили дальнейшее развитие в работах лингвистов-типологов. Так, Уильям Крофт [Croft, 1990, p. 130] представил расширенную иерархию одушевленности, выделив в ней три уровня:

- 1) персональная иерархия (*person hierarchy*): местоимения 1–2-го лица > местоимения 3-го лица;
- 2) иерархия именных групп (*referentiality hierarchy*): местоимения > имена собственные > имена нарицательные;
- 3) собственно иерархия одушевленности (*animacy hierarchy proper*): люди > не-люди (одушевленные) > неодушевленные.

³ Этот термин, в принципе, синонимичен «иерархии одушевленности» и применяется нами в тех случаях, когда поверхностные синтаксические структуры обусловлены не только дейктическими характеристиками личных местоимений 1/2-го лица, но и статусом агентивности денотатов имен [Желтов, Желтова, 2008, с. 124].

⁴ В общем виде эта иерархия выглядит так:
местоимения 1/2-го лица (локуторы, то есть участники речевого акта)
местоимения 3-го лица
термины родства /имена собственные
люди
животные
предметы

Мицуми Ямамото [Yamamoto, 1999. Passim.] сделал попытку представить рассматриваемую иерархию в виде нескольких подсистем: общая иерархия одушевленности (люди — одушевленные — неодушевленные), иерархия лиц (говорящий — слушающий — 3-е лицо), шкала индивидуализации, в которой элементы, обладающие большей определенностью и референциальностью, занимают более высокое положение, чем не обладающие указанными признаками. Также он показал, как взаимодействуют в разных языках категории одушевленности, вежливости, ограниченности, агентивности и др. Весьма любопытны наблюдения М. Ямамото над тем, насколько разнообразно проявляется категория одушевленности в языках. Так, русские одушевленные существительные обозначают тех, кто дышит и движется (от людей до насекомых), но микробы при этом занимают пограничное положение и в синтаксическом отношении ведут себя скорее как неодушевленные. Растения всегда неодушевленные, зато как одушевленное ведет себя существительное «покойник».

В отечественной лингвистике идеи о влиянии дейктических и ролевых характеристик аргументов предиката на глагольное согласование были изложены А. Е. Кибриком [Kibrik, 1997, pp. 112–171], который выстроил развернутую синтаксическую типологию языков на основе кумулятивного/сепаратистского проявления в поверхностных синтаксических структурах трех измерений (ролевого, прагматического и дейктического). Эти идеи получили развитие на материале языков различного строя в работах А. Ю. Желтова [Желтов, 1998. с. 100–105; Желтов, 2008, с. 150–162], который сделал акцент на взаимодействии ролевого и дейктико-денотативного измерений. Он показал, что иерархия одушевленности оказывает влияние на порядок употребления местоимений в конструкциях с прономинальными актантами при трехвалентных глаголах во французском языке⁵ и на возможность изменения стандартного порядка слов в подобных конструкциях

⁵ Речь идет о различном расположении прямого и косвенного дополнений по отношению к глаголу и друг к другу в следующих примерах, где D — Direct object, I — Indirect object, V — Verb: *Il nous le montre (I-D-V)* (Он нам его показывает); *Je le leur montre (D-I-V)* (Я его им показываю); *Il me montre à toi (D-V-I)* (Он меня показывает тебе).

в английском⁶. А. Ю. Желтов пришел к выводам, важным и для нашего исследования: 1) иерархия одушевленности работает не только в «экзотических», но и в хорошо изученных индоевропейских языках, причем решающим является противопоставление локуторов и нелокуторов в анализируемых синтаксических процессах; 2) синтаксическая иерархия $I > D^7$ не является универсальной, поскольку в английском и французском языках она выглядит как $D > I$; 3) при анализе ролевого маркирования следует учитывать все три способа его реализации: падежи, глагольная индексация и порядок слов.

Что касается русского языка, то ввиду того, что порядок слов в нем свободный с точки зрения выражения их ролей и зависит от характеристик «информационного потока», выявление в нем подобных закономерностей представляет определенную сложность, но все же стало возможным благодаря Корпусу русского языка [Желтов, 2010, с. 67–80]. Использование Корпуса позволило А. Ю. Желтову проанализировать все случаи употребления датива и аккумулятива, в которых реализуются прототипические функции этих падежей (адресат/реципиент у датива и пациентив/андергоуер у аккумулятива) при трехвалентных глаголах типа «показывать». Полученные им результаты весьма убедительны и коррелируют с его более ранними наблюдениями над порядком прономинальных актантов в других европейских языках.

Поскольку в отношении порядка слов русский и латинский языки имеют много общего как языки с синтаксически свободным, но прагматически обусловленным расположением членов предложения, можно предположить, что и в латыни разные комбинации именных и прономинальных актантов при дитранзитивных глаго-

⁶ Стандартный порядок слов в английском предложении *He'll show it to you*, по свидетельству носителей языка, может быть заменен на *He'll show you it*, но стандартный порядок *I'll show you to them* невозможно заменить на **I'll show them you*.

⁷ В этом пункте А. Ю. Желтов полемизирует с мнением М. Хаспельматта [Haspelmath, 2004], что в иерархии семантических ролей адресат/реципиент находится выше пациенса. Так, в английском и французском языках более высокий синтаксический статус — *ceteris paribus* — наблюдается у аккумулятивных, а не дативных элементов: они употребляются без предлога и всегда ближе к началу фразы и к предикату [Желтов, 2008, с. 150].

лах зависят от места денотата в иерархии одушевленности. Попробуем рассмотреть комбинации актантов, условно обозначаемые как DI / ID, где D — прямое дополнение (Direct Object), I — косвенное (Indirect Object)⁸, независимо от того, какую позицию по отношению к актантам занимает управляющий глагол, поскольку для целей нашего исследования это обстоятельство нерелевантно. Наши задачи: 1) выявить, какая комбинация — «пациенс — адресат» (DI) или «адресат — пациенс» (ID) — характерна для нейтрального порядка слов, 2) проанализировать, чем обусловлено нарушение нейтрального порядка, 3) проверить, связано ли последнее явление с дейктико-денотативной иерархией.

Для наших целей оказалась весьма полезной электронная библиотека MUSAIOS. Благодаря ей нам удалось проанализировать все случаи употребления трехвалентного глагола *mitto* («посылать кого/что (к) кому/чему») и некоторых его приставочных производных в форме 3 Sg. Perf. ind. act. (*misit*). Из 500 предложений, предоставленных этой электронной базой, большая часть оказалась неинформативной, поскольку в них либо не реализовывалась одна из валентностей данного глагола (отсутствовало эксплицитно выраженное прямое или косвенное дополнение), либо вторая валентность заменялась обстоятельственной группой («посылать кого куда»), так что эти предложения были исключены нами из рассмотрения. Подходящих предложений оказалась всего 113, но и из этого числа пришлось выделить в отдельную категорию (16 примеров) случаи употребления глагола *misit* в придаточных определительных, где порядок слов подчиняется особым правилам (первое место неизбежно занимает член предложения, выраженный относительным местоимением). Оставшиеся 97 предложений мы разделили на три группы:

- 1) предложения с именными актантами (44 примера);
- 2) предложения с комбинацией прономинального и именного актантов (50 примеров);
- 3) предложения с прономинальными актантами (всего 3 примера).

⁸ В некоторых работах приняты другие обозначения: R — Recipient, Th — Thema [Haspelmath, 2004].

Надо специально отметить, что позицию реципиента/адресата (в дальнейшем для краткости мы будем называть эту семантическую роль просто адресатом) при глаголе со значением «посылать» может заполнять как датив (например, в предложении: *Litteras, credo, misit alicui sicario, qui Romae noverat neminem* (Cic. Pro Rosc. 76, 8)), так и аккузатив с предлогом *ad* (например, у того же Цицерона: *Misit in Siciliam litteras ad Carpinatium...* (Cic. In Verr. Act. 2, 3, 167, 3)). Вопрос, от чего зависит этот выбор, для нас пока остается открытым, но ввиду семантической синонимии⁹ этих двух конструкций мы сочли возможным не делать между ними различий в наших подсчетах.

1. Предложения с именными актантами

Для выявления порядка слов, определяемого только ролевым фактором, без возможного участия в синтаксических процессах иерархии одушевленности, были выбраны примеры с именными актантами, не отличающимися по одушевленности/неодушевленности (табл. 1). Таких примеров оказалось 23, причем в 18 из них вперед выдвигается прямое дополнение (столбцы № 1 и № 2), и только в пяти примерах на первом месте стоит косвенное (столбец № 3).

Таблица 1¹⁰

№ 1	№ 2	№ 3	№ 4
D an + I an	D inan + I inan	I an + D an	I inan + D inan
13	5	5	0

⁹ В терминологии Ч. Филлмора [Филлмор, 1981, с. 369–495], это два способа выражения одного и того же «глубинного падежа» датива. Сошлемся также на утверждение М. Хаспельмата, что «реципиент... охватывает, по большей части, не только функции реципиента в узком смысле, но и адресата, и бенефактива»: «Recipient, for instance, mostly comprises not only the recipient in the narrow sense, but also the addressee and the beneficiary» [Haspelmath, 2004, pp. 6–7].

¹⁰ Сокращение *an* (animate) означает «одушевленный», *inan* (inanimate) — «неодушевленный».

Данная статистика отчетливо демонстрирует статистическое предпочтение латинским языком порядка актантов «пациенс — адресат» (DI).

Если подключить к нашему анализу комбинации с одушевленными и неодушевленными именными актантами (табл. 2), то принципиально картина не меняется: 31 случай с выдвижением вперед пациенса (столбцы № 1–3) и лишь 13 — с выдвижением адресата (столбцы № 5–7). При этом одушевленность именно-го актанта оказывает некоторое влияние на выбор позиции как раз в случаях с нетипичным для латыни выдвижением вперед адресата: из 13 примеров, когда адресат предшествует пациенсу, в 12 случаях он одушевленный (столбцы № 5–6), а в 7 из них одушевленность адресата сопровождается неодушевленностью пациенса (столбец № 5).

Таблица 2

№ 1	№ 2	№ 3	№ 4
D inan + I an	D an + I an	D inan + I inan	D an + I inan
13	13	5	0
№ 5	№ 6	№ 7	№ 8
I an + D inan	I an + D an	I inan + D an	I inan + D inan
7	5	1	0

Примеры к столбцам:

№ 1 *In illis tamen tantis negotiis litteras ad Aristotelem misit* (Aul. Gell. Noctes Att. 20, 5, 7, 5).

№ 2 *Cyrus, Persarum rex, comitem suum Zopyrum, explorata eius fide, truncata de industria facie, ad hostes dimisit* (Curt. Ruf. Hist. Al. Mag 3, 3, 4, 2).

№ 3 *Post autem e provincia litteras ad collegium misit* (Cic. De Nat. Deor. 2, 11, 6).

№ 5 *Quintus filius ad patrem acerbissimas litteras misit* (Cic. Ad Att. 14, 17, 3, 1).

№ 6 ...erexit se tamen et statim *quaestori legatoque* suo custodes misit compluris (Cic. In Verr. Act. 2, 5, 63, 13).

№ 7 Quo die Milo *ad Domiti tribunal* venit, *ad Torquati amicos* misit; (Ascon. Pedian. Pro Milone 34, 13).

В таблице 2 нельзя не заметить существенного количественного расхождения между комбинациями: одни довольно многочисленны (столбцы № 1 и № 2), другие же вообще не встречаются (столбцы № 4 и № 8). Для нас наиболее интересными представляются позиции, демонстрирующие максимальную числовую дифференциацию:

1) чаще всего встречаются сочетания одушевленного/неодушевленного пациенса с одушевленным адресатом (столбцы № 1 и № 2 — по 13 примеров), причем в приоритетную позицию выдвигается пациенс независимо от одушевленности/неодушевленности его денотата. Это говорит о превалировании ролевого измерения над дейктико-денотативным в конструкциях с именными актантами;

2) крайне немногочисленны (всего 1 пример) сочетания одушевленного пациенса с неодушевленным адресатом (столбец № 7), поскольку прототипические функции датива более свойственны элементам высоких уровней иерархии одушевленности, чем функции аккузатива¹¹;

3) относительно высокий показатель комбинации одушевленного адресата с неодушевленным пациенсом (столбец № 5, всего 7 примеров) говорит о том, что, если глагольные валентности заполняются элементами разных этажей иерархии одушевленности, ролевое измерение иногда может уступать дейктико-денотативному¹².

¹¹ Об этом пишет и М. Хаспельмат: «the Theme shows a strong tendency to be inanimate... Inanimate Recipients occur only when a ditransitive verb has a very atypical meaning (e.g. English give in I'll give it a try, or French préférer in Ce film, je lui préfère le roman 'This movie, I prefer the novel to it') [Haspelmath, 2004, p. 22]». Напомним, что термином Theme Хаспельмат заменяет более привычный термин «пациенс» (см. примеч. 8 настоящей статьи).

¹² Похожую мысль высказывает Ян де Йонг: анализируя возможные позиции латинского субъекта, он прибегает, в частности, к понятию «шкалы индивидуализации», в которой более высокое положение занимают именные группы, обозначающие имена собственные, одушевленные, конкретные, исчисляемые, определенные, референциальные; такие именные группы имеют тен-

2. Предложения с комбинацией прономинального и именного актантов

Теперь посмотрим, как ведут себя комбинации именных и прономинальных актантов (учитываются личные и возвратные местоимения) глагола *misit*. Электронная база MUSAIOS выдала 50 примеров. Статистика впечатляет: в 41 предложении на первое место выдвигаются местоимения и только в 9 предложениях порядок противоположный (существительное + местоимение)! Более детальный анализ нам позволит провести таблица 3.

Таблица 3

№ 1	№ 2	№ 3	№ 4
Дсуц + Имест	Дмест + Исуц	Имест + Дсуц	Исуц + Дмест
9	8	33	0

Примеры к столбцам:

№ 1 *Inventus est vix in hortis suis <se> occultans litterasque mihi remisit mirifice gratias agens Caesari* (Cic. Ad Att. 9, 11, 1, 6).

№ 2 *Caesar me, quem sibi carissimum habuit, provinciam Siciliam atque Africam, sine quibus urbem atque Italiam tueri non potest, vestrae fidei commisit* (Caes. Bell. Civ. 2,32,4).

№ 3 *Caesar nobis litteras perbrevis misit, quarum exemplum subscripsi* (Cic. Ad Att. 9, 13A, 1,1).

Как и в таблице 2, здесь привлекают внимание контрастные числовые показатели, побуждающие нас к следующим выводам:

1) наиболее частой является комбинация местоимения в роли адресата с существительным в роли пациенса (столбец № 3:

денцию занимать первую позицию в предложении по сравнению с именными группами, обозначающими имена нарицательные, неодушевленные, абстрактные, множественные, неисчисляемые, нереперенциальные. Последние гораздо реже занимают позицию топики [De Jong, 1989, p. 534]. В контексте расположения элементов именных групп следует сослаться и на Дж. Н. Адамса: он обратил внимание на то, что в архаической латыни порядок слов в генетивных группах зависит от статуса денотата имени, стоящего в генетиве: если он обозначает название магистрата, имя бога и т. п., то имеет тенденцию занимать маркированную позицию после управляющего слова (*aedem Castoris*), в то время как менее статусные имена ставятся в препозиции (*iuris consultum*), которую Адамс считает немаркированной в архаической латыни [Adams, 1976, pp. 75–76].

33 примера): здесь мы видим полную противоположность статистике примеров с именными актантами, где в 31 случае порядок был обратным — «пациенс — адресат» (см. табл. 2, столбцы 1–3). Выдвижение косвенного дополнения в приоритетную позицию, противоречащее нейтральному порядку, может объясняться только тем, что в иерархии одушевленности местоимения стоят выше, чем существительные;

2) совсем не встречается комбинация адресата-существительного с пациенсом-местоимением (столбец № 4), поскольку, как уже отмечалось, прототипические функции датива более свойственны элементам высоких уровней иерархии одушевленности, чем функции аккузатива (ср. столбцы № 4 и № 7 в табл. 2);

3) комбинации существительных и местоимений с нейтральным порядком «пациенс — адресат» (DI — столбцы № 1 и № 2, всего 17 случаев) встречаются почти в 2 раза реже, чем комбинация «адресат — пациенс» (ID), где адресат выражен местоимением (столбец № 3, 33 случая), причем в 8 из 17 примеров комбинации «пациенс — адресат» (DI) на первое место все равно выдвигается местоимение.

3. Предложения с прономинальными актантами

В нашем распоряжении оказалось всего три примера на комбинацию прономинальных актантов в роли пациенса и адресата с глаголом *misit*. Последнее обстоятельство побудило нас прибегнуть к иной стратегии исследования, чтобы выяснить, как работает «персональная» (по Крофту — Ямамото) иерархия одушевленности. С этой целью мы последовательно задавали в строке поиска различные комбинации личных местоимений, а затем обрабатывали «вручную» все выданные электронной базой случаи. Такая ручная обработка данных привела к значительному отсеву примеров: большая их часть либо содержала распространенный в латыни оборот *Accusativus cum infinitivo*, либо омонимичные формы личных местоимений (например, *pos* и *vos* могут быть формами как именительного, так и винительного падежей), либо входящие в заданную комбинацию местоимения оказывались актантами разных глаголов. Так, из 181 контактного сочетания *me tibi* пригодным для

анализа оказалось лишь 31, из 177 примеров *te mihi* — только 38 и т. д. Из всех возможных способов выражения личного местоимения 3-го лица мы выбрали местоимение *ille*, как наиболее частотное и закрепившее за собой это значение в большинстве романских языков. Различия по роду (мужскому/женскому) не учитывались. Комбинации с формой *illud* (средний род данного местоимения) также были исключены из итогового анализа, поскольку все рассмотренные нами примеры демонстрировали его дейктическую, а не анафорическую природу (то есть в среднем роде оно сохраняет свое значение указательного местоимения). Полученные данные сведены в таблицу 4 на с. 240.

Примеры к наиболее частотным сочетаниям в таблице 4.

1. ...neque *me tibi*, neque quemquam antepono... (Cic. Ad Att. 1, 17, 5, 9)
2. Commendo *tibi me* ac meos amores (Cat. 15, 1).
3. Res publica *te mihi* ita commendavit, ut cariorem habeam neminem (Cic. Ad Att. 14, 13b, 1, 5).
4. Nulla etenim *mihi te* fors obtulit... (Hor. Serm. 1, 6, 54)
5. *Me vobis* locupletissimus testis suo etiam suffragio commendat (Apul. Flor. 16, 140).
6. Custodem *me illi* miles addidit (Plaut. Mil. glor. 305).
7. ...carius auro, / quod te restituis, Lesbia, mi cupido, / restituis cupido atque insperanti, ipsa refers *te/ nobis*...(Cat. 107, 4–6).
8. ...*illum* (sc. vultum) *tibi* semper ostende vel custodem, vel exemplum (Sen. Ad Luc. 11, 10, 4).

Легко заметить, что одни комбинации местоимений встречаются часто или очень часто (например, *me tibi*, *te mihi*), иные не встречаются вообще (*me nobis*, *vos tibi*). Это явление, вероятно, объясняется естественными ограничениями на комбинации типа «меня нам» или «вас тебе». Еще одной причиной немногочисленности или полного отсутствия некоторых сочетаний, возможно, стало неизбежное ограничение выборки из базы MUSAIOS контактными сочетаниями местоимений.

¹³ Выдвижение местоимения 3-го лица в этих двух случаях может объясняться потребностями поэтического текста (метрической необходимостью у Тибулла (Tibull. 1,3,93: *Hic precor, hunc illum nobis* Aurora nitentem / *Luciferum roseis candida portet aquis*), эуфонией у Вергилия (Verg. Aen. 4, 227: *Non illum nobis* genetrix pulcherrima talem / *Promisit*...)

Таблица 4

DI	ID	DI	ID	DI	ID	DI	ID
me tibi меня тебе 31	tibi me тебе меня 13	te tibi тебя мне 38	mihī te мне тебя 17	me vobis меня вам 10	vobis me вам меня 1	vos mihī вам мне 3	mihī vos мне вас 0
me illi меня ему 5	illi me меня ему 0	illum mihī его мне 1	mihī illum мне его 2	me illis меня им 1	illis me им меня 0	illos mihī их мне 0	mihī illos мне их 0
te nobis тебя нам 10	nobis te нам тебя 0	nos tibi нас тебе 0	tibi nos тебе нас 2	te illi тебя ему 2	illi te ему тебя 3	illum tibi его тебе 6	tibi illum тебе его 1
vos illis вам им 1	illis vos им вас 0	illos vobis их вам 0	vobis illos вам их 1	te illis тебя им 1	illis te им тебя 0	illos tibi их тебе 0	tibi illos тебе их 1
nos vobis нас вам 1	vobis nos вам нас 0	nobis vos нам вас 0	vos nobis вам нас 0	nos illi нас ему 1	illi nos ему нас 0	illum nobis ²⁷⁵ его нам 2	nobis illum нам его 0
vos illi вам ему 0	illi vos ему вас 0	illum vobis его вам 1	vobis illum вам его 2	nos illis нас им 1	illis nos им нас 0	illos nobis их нам 1	nobis illos нам их 0

Проанализируем комбинации личных местоимений в разных строках таблицы 4:

1) местоимения-локуторы, которые во многих языках находятся на одной ступени иерархии одушевленности, ведут себя идентично в одинаковых семантических ролях — об этом свидетельствует первая строка в таблице 4, демонстрирующая удивительную пропорциональность сочетаний $me\ tibi : tibi\ me = 31 : 13$ и $te\ mihi : mihi\ te = 38 : 17$: комбинация «пациенс — адресат» встречается примерно в два с половиной раза чаще, чем обратная для местоимений 1–2-го лица ед. числа. Это расхождение еще более контрастно для сочетания местоимений 1-го лица ед. числа и 2-го лица мн. числа: $me\ vobis : vobis\ me = 10 : 1$ и $vos\ mihi : mihi\ vos = 3 : 1$. Не вызывает удивления тот факт, что при равном (или, по крайней мере, соотносимом) статусе местоимений-локуторов в иерархии одушевленности ролевое измерение оказывается доминирующим, и в большинстве примеров реализуется нейтральный порядок актантов «пациенс — адресат»;

2) статистика комбинаций местоимений 1-го лица ед. числа и 3-го лица ед. числа $me\ illi : illi\ me = 5 : 0$ и $illum\ mihi : mihi\ illum = 1 : 2$, представленная во второй строке, показывает, что чаще в более привилегированную — левую — позицию выдвигается местоимение 1-го лица независимо от его семантической роли;

3) что касается местоимений 2-го и 3-го лица ед. числа (4 правых столбца в строке 3), числовое соотношение $te\ illi : illi\ te = 2 : 3$ и $illum\ tibi : tibi\ illum = 6 : 1$ показывает, что вопреки ожиданиям в приоритетную позицию выдвигается более низкий, а не более высокий элемент дейктической иерархии, что, как мы полагаем, свидетельствует о превалировании в данных предложениях прагматического измерения над дейктическим. Дело в том, что местоимение *ille* по своей природе является анафорическим, а такие местоимения и наречия имеют строгую тенденцию к выдвигению в топикальную позицию [De Jong, 1989, p. 524], как недавно упомянутые и актуализированные в дискурсе;

4) четыре левых столбца строки 3 занимают сочетания $te\ nobis : nobis\ te = 10 : 0$ и $nos\ tibi : tibi\ nos = 0 : 2$, которые, на первый взгляд, могут показаться парадоксальными, поскольку локуторы 2-го лица явно превалируют в них над локуторами 1-го лица. Дело

здесь, однако, не в лицах, а в числах: по наблюдению М. Ямамото, множественное число имеет тенденцию ослаблять степень одушевленности, обезличивая и размывая идентичность референта [Yamamoto, 1999, p. 99–100]¹⁴, так что в некоторых языках местоимения множественного числа могут занимать более низкий этаж в иерархии, чем местоимения того же лица, но единственного числа. Разительный числовой контраст анализируемых комбинаций убедительно свидетельствует в пользу гипотезы Ямамото;

5) весьма непреставительная статистика последних трех строк таблицы (*vos illis : illis vos = 1 : 0, illos vobis : vobis illos = 0 : 1, te illis : illis te = 1 : 0, illos tibi : tibi illos = 0 : 1* и др.), хотя в целом и демонстрирует более высокий статус личных местоимений 2-го лица по сравнению с 3-м, все же недостаточно информативна для надежных выводов.

Итак, в результате наблюдений за расположением актантов разных трехвалентных глаголов мы пришли к следующим выводам: в латинском языке нейтральный порядок актантов-имен, определяемый только ролевым фактором, это «пациенс — адресат» (DI), который, по данным таблицы 2, встретился в 31 случае из 44; нарушение данного порядка, то есть выдвижение адресата вперед, в приоритетную позицию (ID), может быть обусловлено одушевленностью его денотата (12 случаев из 13). Эта тенденция проявляется еще ярче в предложениях с комбинациями именных и прономинальных актантов: в подавляющем большинстве случаев (33 из 50) на первое место выдвигаются адресаты, выраженные личными или возвратными местоимениями, что объясняется более высоким статусом данных местоимений в дейктико-денотативной иерархии и доказывает ее влияние на порядок актантов при дитранзитивах.

Что касается «персональной» иерархии, анализ 48 различных комбинаций личных местоимений друг с другом показал равный статус местоимений-локаторов единственного числа по отноше-

¹⁴ Ямамото предлагает сравнить два способа сообщения плохой новости в английском языке: *We are sorry / I am sorry, of course, to have to write to you in these terms*. По мнению Ямамото, местоимение «мы» скрывает лицо автора, погружая его идентичность в неопределенную, обезличенную массу, в то время как «я» подчеркивает индивидуальность автора и его ответственность за неприятное известие.

нию друг к другу, но доминирование локуторов единственного числа над локуторами множественного, а также более высокий статус локутора-говорящего по отношению к 3-му лицу.

В общем виде персональная иерархия в латыни выглядит приблизительно так:

говорящий
слушающий
локуторы множ. числа
местоимения 3-го лица

А если попытаться выстроить общую дейктико-денотативную иерархию в латыни, добавив к личным местоимениям существительные, то она примет следующий вид:

говорящий
слушающий
локуторы множ. числа
местоимения 3-го лица
одушевленные имена
неодушевленные имена

Мы далеки от мысли объяснять любые отклонения от нейтрального порядка слов действием дейктико-денотативной иерархии и даже на разобранном материале старались показать, что иногда перевешивают семантические или прагматические факторы, а в ряде случаев отклонения, возможно, будут результатом ритмической или риторической организации текста, но в целом отмеченные тенденции будут сохраняться. В дальнейшем выстроенную нами иерархию можно попытаться сделать более дробной, проследив за поведением отдельных групп одушевленных имен (терминов родства, имен собственных, собирательных существительных, названий животных и т. д.). Но это дело будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Желтов А. Ю. Иерархия одушевленности (дейктическая иерархия) и взаимодействие языковых структур // В пространстве языка и культуры: звук, знак, смысл: сб. статей в честь 70-летия В. А. Виноградова. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 67–80.

2. Желтов А. Ю. Синтагматический порядок как отражение суммы парадигматических маркировок: одновременное употребление личных местоимений в роли прямого и косвенного дополнений во французском и английском языках // Язык. Африка. Футболь: сб. статей в честь А. И. Коваль. М.; СПб.: Европейский дом, 1998. С. 100–105.
3. Желтов А. Ю. Языки нигер-конго: структурно-динамическая типология. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 150–162.
4. Желтов А. Ю., Желтова Е. В. Классические языки и типология ролевого маркирования // *Hyperboreus. Studia classica. Petropoli.* Vol. 14. 2008. Fasc. 1. С. 122–144.
5. Соболевский С. И. Грамматика латинского языка. Теоретическая часть. Морфология и синтаксис. СПб.: Издательство литературы на иностранных языках, 1998. 430 с.
6. Филлмор Ч. Дело о падеже / пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10: Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 369–495.
7. Adams J. N. A typological approach to Latin word order // *Indogermanische Forschungen.* 81. Band 1976. Berlin; New York: W. de Gruyter. Pp. 70–99.
8. Croft U. Typology and Universals. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1990. XIV, 311 p.
9. De Jong J. R. The position of Latin subject. Subordination and other topics in Latin. Proceedings of the Third Colloquium on Latin Linguistics. Bologna, 1–5 April 1985 / ed. by G. Calboli. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1989. Pp. 521–540.
10. Haspelmath M. Explaining the Ditransitive Person-Role Constraint: A usage-based approach. 2004. Available at: <http://email.eva.mpg.de/~haspelmt>.
11. Hofmann J. B., Szantyr A. Lateinische Syntax und Stilistik. München: Beck, 1965. XCVIII, 935 p.
12. Kibrik A. E. Beyond subject and object: Toward a comprehensive relation typology // *Linguistic Typology.* 1. 1997. Pp. 112–171.
13. Kühner R., Stegmann C. Ausführliche Grammatik der Lateinischen Sprache. II: Satzlehre. Leverkusen: Gottschalk, 1955. V, 738 S.
14. Latin Linguistics and Linguistic Theory // Proceedings of the 1st International Colloquium on Latin Linguistics. Amsterdam, April 1981 / ed. by H. Pinkster. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1983. XVIII, 307 p.
15. Linguistic Studies on Latin // Selected Papers from the 6th International Colloquium on Latin Linguistics. Budapest, 23–27 March 1991 / ed. by J. Herman. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1994. IX, 421 p.

16. *Marouzeau J.* L'ordre des mots dans la phrase Latine. Paris: Les Belles Lettres, 1949. 200 p.
17. *Marouzeau J.* L'ordre des mots et Latin. Paris: Les Belles Lettres, 1953. XI, 149 p.
18. *Panhuis D. G. J.* The communicative perspective in the sentence: a study of Latin word order. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1982. VIII, 178 p.
19. *Pinkster H.* Lateinische Syntax und Semantik. Tübingen: Francke, 1988. XII, 424 p.
20. *Silverstein M.* Hierarchy of features and ergativity. Grammatical Categories in Australian languages. Canberra, 1976. Pp. 112–171.
21. Subordination and Other Topics in Latin // Proceedings of the Third Colloquium on Latin Linguistics. Bologna, 1–5 April 1985 / ed. by G. Calboli. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1989. XXIX, 691 p.
22. Universal Grammar in the Reconstruction of Ancient Languages / Studies in Generative Grammar — 83. Berlin; New York: M. de Gruyter, 2005. VI, 523 p.
23. *Yamamoto M.* Animacy and Reference. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1999. XVI, 278 p.

REFERENCES

1. Zheltov A.Iu. *Ierarkhiia odushevlenosti (deikticheskaia ierarkhiia) i vzaimodeistvie iazykovykh struktur* [The hierarchy of animacy (deictic hierarchy) and interrelation of language structures]. V prostranstve iazyka i kul'tury: zvuk, znak, smysl: sb. statei v chest' 70-letii V.A. Vinogradova. [In the Space of Language and Culture: Sounds, Sign, Sense]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2010. S. 67–80.
2. Zheltov A.Iu. *Sintagmatischeeskii poriadok kak otrazhenie summy paradigmatischeeskikh markirovok: odnovremennoe upotreblenie lichnykh mestoimnii v roli priamogo i kosvennogo dopolnenii vo frantsuzskom i angliiskom iazykakh* [Syntagmatic order as a reflection of the totality of paradigmatic markers: Simultaneous use of personal pronouns in the functions of direct and indirect object in French and English]. Iazyk. Afrika. Ful'be: sb. statei v chest' A.I. Koval' [Language. Africa. Ful'be: A Collection of Articles Dedicated to A.I. Koval']. Moscow; Saint Petersburg, Evropeiskii dom Publ., 1998. S. 100–105.
3. Zheltov A.Iu. *Iazyki niger-kongo: strukturno-dinamicheskaia tipologiia* [Niger-Congo Languages: Structural and Dynamic Typology]. Saint Petersburg, SPbGU Publ., 2008. S. 150–162.

4. Zheltov A.Iu., Zheltova E.V. Klassicheskie iazyki i tipologiiia rolevogo markirovaniia [Classical Languages and the Contensive Typology]. *Hyperboreus*. Studia classica. Petropoli. Vol. 14. 2008. Fasc. 1. S. 122–144.
5. Sobolevskii S.I. *Grammatika latinskogo iazyka. Teoreticheskaia chast'. Morfologiia i sintaksis* [Latin Grammar. Theoretical Part. Morphology and Syntax]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo literatury na inostrannykh iazykakh, 1998. 430 s.
6. Fillmor Ch. Delo o padezhe [The Case for Case], per. s angl. [transl. from English]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 10: Lingvisticheskaia semantika* [New in Foreign Linguistics. Vol. 10: Linguistic Semantics]. Moscow, Progress Publ. 1981. S. 369–495.
7. Adams J.N. A typological approach to Latin word order. *Indogermanische Forschungen*. 81. Band 1976. Berlin; New York, W. de Gruyter. Pp. 70–99.
8. Croft U. *Typology and Universals*. Cambridge; New York, Cambridge University Press, 1990. XIV, 311 p.
9. De Jong J.R. *The position of Latin subject*. Subordination and other topics in Latin. Proceedings of the Third Colloquium on Latin Linguistics. Bologna, 1–5 April 1985, ed. by G. Calboli. Amsterdam; Philadelphia, Benjamins, 1989. Pp. 521–540.
10. Haspelmath M. *Explaining the Ditransitive Person-Role Constraint: A usage-based approach*. 2004. Available at: <http://email.eva.mpg.de/~haspelmt>.
11. Hofmann J.B., Szantyr A. *Lateinische Syntax und Stilistik*. München: Beck, 1965. XCVIII, 935 p.
12. Kibrik A.E. Beyond subject and object: Toward a comprehensive relation typology. *Linguistic Typology*. 1. 1997. Pp. 112–171.
13. Kühner R., Stegmann C. *Ausführliche Grammatik der Lateinischen Sprache*. II: Satzlehre. Leverkusen, Gottschalk, 1955. V, 738 S.
14. *Latin Linguistics and Linguistic Theory*. Proceedings of the 1st International Colloquium on Latin Linguistics. Amsterdam, April 1981, ed. by H. Pinkster. Amsterdam; Philadelphia, Benjamins, 1983. XVIII, 307 p.
15. *Linguistic Studies on Latin*. Selected Papers from the 6th International Colloquium on Latin Linguistics. Budapest, 23–27 March 1991, ed. by J. Herman. Amsterdam; Philadelphia, Benjamins, 1994. IX, 421 p.
16. Marouzeau J. *Lordre des mots dans la phrase Latine*. Paris, Les Belles Lettres, 1949. 200 p.
17. Marouzeau J. *Lordre des mots et Latin*. Paris, Les Belles Lettres, 1953. XI, 149 p.
18. Panhuis D.G.J. *The communicative perspective in the sentence: a study of Latin word order*. Amsterdam; Philadelphia, Benjamins, 1982. VIII, 178 p.

19. Pinkster H. *Lateinische Syntax und Semantik*. Tübingen, Francke, 1988. XII, 424 p.
20. Silverstein M. *Hierarchy of features and ergativity*. Grammatical Categories in Australian languages. Canberra, 1976. Pp. 112–171.
21. *Subordination and Other Topics in Latin*. Proceedings of the Third Colloquium on Latin Linguistics. Bologna, 1–5 April 1985, ed. by G. Calboli. Amsterdam; Philadelphia, Benjamins, 1989. XXIX, 691 p.
22. *Universal Grammar in the Reconstruction of Ancient Languages*. Studies in Generative Grammar — 83. Berlin; New York, M. de Gruyter, 2005. VI, 523 p.
23. Yamamoto M. *Animacy and Reference*. Amsterdam; Philadelphia, Benjamins, 1999. XVI, 278 p.

Желтова Елена Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Elena Zheltova

PhD in Philology (kandidat nauk), Associate Professor,
Department of Classical Philology at St. Petersburg State University.

E-mail: elena.zheltova@mail.ru